

УДК 130.2
DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-4-895-903
EDN PAZVTY

Медиаполитика как технология бытия: субъект в эпоху алгоритмов

Сорокопуд М.С.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина,
Белгород, 308024, г. Белгород, ул. Горького, д. 71
azarimariya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается медиаполитика как фундаментальная технология бытия в условиях цифровой трансформации общества. Автор исходит из онтологического понимания медиасреды, в которой алгоритмы и платформы перестают быть лишь нейтральными посредниками информации, превращаясь в активных агентов формирования субъектности, публичности и истины. В контексте философских подходов М. Хайдеггера, М. Фуко, Б. Стиглера и Х. Арендт анализируются трансформации понятий истины, власти и этики в цифровую эпоху. Особое внимание уделяется феномену алгоритмической модификации публичного пространства, в котором субъект предстает как производная от цифрового следа и поведенческой модели, а истина как результат сетевой видимости и перформативного признания. В статье также рассматриваются этические дилеммы, возникающие в условиях платформенного управления вниманием, персонализированной фильтрации информации и машинной генерации контента. Делается вывод о необходимости философской переоценки медиаполитики как института, конституирующего саму форму цифрового существования субъекта в XXI веке.

Ключевые слова: медиаполитика, цифровая власть, философия медиа, субъектность, истина, цифровая этика, публичность

Для цитирования: Сорокопуд М.С. 2025. Медиаполитика как технология бытия: субъект в эпоху алгоритмов. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 50(4): 895–903. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-895-903 EDN: PAZVTY

Media Policy as a Technology of Being: Subject in the Age of Algorithms

Maria S. Sorokopud

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russian Federation
azarimariya@yandex.ru

Abstract. The article examines media policy as a fundamental technology of being in the context of the digital transformation of society. The author proceeds from the ontological understanding of the media environment, in which algorithms and platforms cease to be just neutral intermediaries of information, turning into active agents of the formation of subjectivity, publicity and truth. In the context of the philosophical approaches of M. Heidegger, M. Foucault, B. Stiegler, and H. Arendt, the transformations of the concepts of truth, power and ethics in the digital age are analyzed. Particular attention is paid to the phenomenon of algorithmic modification of public space, in which the subject appears as a derivative of a digital trace and behavioral model, and truth as a result of network visibility and performative recognition. The article also examines the ethical dilemmas that arise in the context of platform attention management, personalized information filtering and machine content generation. A conclusion is made

about the need for a philosophical reassessment of media policy as an institution that constitutes the very form of digital existence of the subject in the 21st century.

Keywords: media policy, digital power, philosophy of media, subjectivity, truth, digital ethics, publicity

For citation: Sorokopud M.S. 2025. Media Policy as a Technology of Being: Subject in the Age of Algorithms. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 50(4): 895–903 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-4-895-903 EDN: PAZVTY

Введение

Цифровая трансформация медиапространства радикально изменила способ существования, коммуникации и мышления человека в общественной среде. Современные алгоритмические платформы не просто обеспечивают доступ к информации, но активно формируют онтологические условия публичности, субъектности и истины. В этих условиях медиаполитика перестает быть лишь инструментом государственного или корпоративного регулирования и становится технологией бытия, участвующей в самом процессе конституирования человеческого «я» в цифровой среде.

Традиционные категории политической философии (свобода выражения, публичная сфера, субъект права) оказываются недостаточными для анализа новой конфигурации власти, в которой алгоритмы незаметно управляют вниманием, восприятием и реакциями человека. Французский философ М. Фуко отмечал: «На самом деле власть производит. Она производит реальность; она производит области объектов и ритуалы истины. Индивид и знание, которое можно получить об индивиде, принадлежат к ее продукции» [Фуко, 2021, с. 138]. Сегодня эта производящая функция реализуется с помощью медиаплатформ, превращая медиаполитику в ключевой механизм субъектопроизводства.

Целью исследования является философское осмысление медиаполитики как технологии бытия, ее роли в трансформации субъекта в условиях цифровой алгоритмизированной реальности. Гипотеза исследования заключается в том, что современная медиаполитика функционирует как онтологическая техника, производящая определенный тип субъективности, основанный на вычислимости, управляемости и поведенческой предсказуемости.

Основой исследования является междисциплинарный синтез философии техники, политической онтологии, цифровой гуманитаристики и критической теории медиа. Исследование базируется на герменевтическом анализе философских текстов (М. Хайдеггер, М. Фуко, Х. Арендт, Б. Стиглер, Ю. Хабермас), а также на критическом прочтении эмпирических кейсов (работа алгоритмов TikTok, Facebook, X¹ и др.) сквозь призму философской рефлексии. Ключевые методологические подходы: феноменологический анализ цифрового опыта субъекта, генеалогический подход к формированию цифровой власти и режимов истины, теория медиатехнологий как структур власти и производств субъектности, критика платформенного капитализма в ее философском измерении. Также используются элементы аналитической реконструкции медиаполитических документов (например, Digital Services Act, AI Act), чтобы показать, как философские основания воплощаются в нормативных механизмах.

Анализ результатов исследования

Цифровое медиапространство, представляющее собой виртуальную проекцию социальной реальности, в современное время приобретает радикально новую онтологическую форму, в которой происходят трансформации самого способа бытия,

¹ Facebook принадлежит Meta, признана судом экстремистской и запрещена в РФ. X (Twitter) заблокирован на территории РФ.

восприятия мира и отношений между субъектами. Мы имеем дело не с отражением или дополнением реального, а с созданием вторичной онтологии, в которой цифровое и символическое неотделимо от материального и политического.

М. Хайдеггер утверждает, что «техника – это не просто некая произвольная человеческая деятельность, но "способ раскрытия" [цит. по: Rohkrämer, 2005, с. 186]. В этом контексте цифровые технологии, включая алгоритмы социальных платформ, механизмы модерации, фильтры контента и рекомендательные системы, выступают как онтологические агенты, определяющие, что и как может быть проявлено, доступно, интерпретировано. Цифровая медиаполитика как система институциональных и технократических практик становится формой производства действительности и задает правила манифестации смыслов, «архитектонику видимости» (согласно взглядам Ж. Бодрийяра), формируя тем самым то, что считается реальным, а что иллюзорным, допустимым или подлежащим забвению.

Анализируя природу власти, М. Фуко подчеркивает: «На самом деле, власть производит; она производит реальность; она производит область своих объектов, а также методов добывания истины относительно них» [Фуко, 1993, 2024, с. 53]. Цифровая медиаполитика действует по этому принципу и институционально (государственно) и технологически (алгоритмически) организует поля допустимых дискурсов. Решение о блокировке или продвижении информации (от Twitter до TikTok) становится актом онтологической селекции, в которой «быть представленным» означает «быть». Например, в Иране в 2022 году аккаунты пользователей, публиковавших сообщения о протестах на персидском языке, подвергались массовым удалениям [Alimardani, 2022]. Инфовласть отличается от традиционных форм власти тем, что она не подавляет напрямую, а структурирует поведение посредством управления вниманием. Инфовласть работает через «архитектуру выбора», создавая контекст, в котором субъекты «сами выбирают» нужное поведение, что соответствует концепции «правительственности» М. Фуко, в которой власть осуществляется посредством управления возможностями и условиями выбора.

Онтологическая глубина цифровой медиаполитики особенно очевидна в феномене платформенной зависимости мышления. Мыслимое все чаще соразмеряется с тем, что можно сказать «в рамках платформы», будь то в пределах 280 символов¹ или в актуальных видео в TikTok. То, что не вписывается в эти форматы, не просто теряет возможность быть услышанным, а теряет право на существование как социально релевантная мысль. Примером также является деятельность YouTube по демонетизации или удалению видеоконтента, который алгоритмы или модераторы считают нарушающим «стандарты сообщества» (от антитривиальной пропаганды до видео с критикой военных действий). Независимо от содержания, это становится актом онтологического «отсечения»; видео, которому отказано в показе и распространении, оказывается онтологически нереализованным в публичном поле. Цифровая медиаполитика требует философского осмысления как практики онтологического управления, в котором технологии и институты формируют не просто информационную среду, а саму структуру проявленности современного мира.

Классическая эпистемология, начиная с Платона и завершая Новым временем, предполагала устойчивую модель познания: субъект (рациональный, автономный, мыслящий) способен при определенных условиях достичь истины как соответствия мысли и реальности. Указанная парадигма утверждалась в философии Р. Декарта, Д. Канта, И. Локка и была основана на доверии к логике, наблюдению и универсальным критериям истины. Однако в условиях цифровой эпохи происходит эпистемологический сдвиг, радикально изменяющий само понимание того, что такое истина и как она производится.

¹ Ограничение длины сообщений в Twitter – 280 символов.

Современная цифровая среда подчинена алгоритмической логике, то есть информации присваивается значимость не на основе истины, а на основании метрик вовлеченности (количества просмотров, репостов, кликов, лайков). Согласно мнению Ж. Бодрийяра, «симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что ее нет» [Бодрийяр, 2016, с. 126]. Цифровая истина становится функцией перформативной видимости, и то, что видимо, обсуждаемо и подкреплено социальным вниманием, обретает статус правды. Происходит трансформация от истины как соответствия к истине как социально-алгоритмической функции. Твит с миллионом репостов влияет на сознание больше, чем экспертное заключение, опубликованное в академическом журнале. Цифровая медиаполитика в этой системе берет на себя роль регулятора эпистемических границ. Она определяет, что следует считать «научной точкой зрения», а что «фейком», и что может распространяться как «общественно значимая информация», а что блокируется как «вредное содержание». Однако в условиях непрозрачности алгоритмических механизмов и политизации процессов модерации возникают опасные эпистемологические парадоксы. В стремлении «защитить истину» (будь то государство, частные платформы или международные организации) цифровая власть часто производит истину как управляемую конструкцию. Истина превращается в то, что санкционировано, допущено к воспроизведству и институционально охраняется, что соответствует критике М. Фуко: «Истина – это вещь этого мира: она создается только в силу множества форм ограничения. И это вызывает регулярные эффекты силы. Каждое общество имеет свой режим истины, свою "общую политику" истины: то есть типы дискурса, которые оно принимает и заставляет функционировать как истинные; механизмы и примеры, позволяющие отличать истинные от ложных утверждений, средства, с помощью которых каждое из них санкционируется; методы и процедуры, придающие ценность получению истины; статус тех, кто обязан говорить то, что считается истинным» [Фуко, 2002, с. 76]. В результате истина теряет универсальность, становясь локальной и контекстуальной, зависимой от инфраструктуры ее производства, что и есть суть феномена постправды, о котором говорит аналитик С. Тесич: «Единой правды нет, есть множество правд индивидуальных» [Тесич, 1992, с. 13], а Г. Франкфурт в работе «Об истине» писал, что «вранье уважает истину – по крайней мере, признает ее. А болтовня равнодушна к ней» [Гарри, 2020, с. 43]. Рассмотрим конкретный пример, в период пандемии COVID-19 цифровые платформы (Facebook, Twitter и YouTube), активизировали модерацию, удаляя «вредную» медицинскую информацию, а границы между дезинформацией и альтернативной научной позицией часто оказывались размытыми. Так, удалялись видео с учеными, высказывающими сомнения в обязательной вакцинации, даже если их аргументация не содержала фейков, но выходила за рамки официальной линии ВОЗ, что показывает, как эпистемическая цензура может превратиться в политico-технологическую практику управления истиной.

Корейско-немецкий философ Бен-Чхоль Хан подчеркивает, что «цифровая прозрачность не ведет к истине, а к перегрузке. Когда все становится видимым, исчезает фокус – и, значит, исчезает истина» [Хан, 2023, с. 133]. Информационная гиперпрозрачность парадоксальным образом ослабляет критерии истины. Мы живем в мире, в котором доступ к данным является беспрецедентным, а понимание становится все более поверхностным. Алгоритмы платформ способствуют замыканию пользователя в когнитивных пузырях, в которых он видит только согласующиеся с его взглядами материалы, что подрывает саму возможность диалогического познания, которой придерживался Ю. Хабермас в своей теории коммуникативного действия. В итоге цифровая медиаполитика стоит перед этико-эпистемологическим вызовом, либо она будет действовать в логике цифровой биовласти (производя «официальную истину» и управляя дискурсом), либо она должна будет выработать механизмы открытой критической рефлексии, обеспечивающей прозрачность модерации, плюрализм мнений и поддержку

условий для подлинного познания. Без этого истина рискует окончательно утратить свое значение, уступив место политически управляемому информационному пейзажу.

Нельзя не отметить, что цифровая медиаполитика обостряет ряд фундаментальных этических проблем современности, связанных с границами свободы выражения, правом на доступ к информации, ответственностью за цифровое высказывание и защитой человеческого достоинства в условиях тотальной прозрачности и сетевой уязвимости. Этика медиапространства находится в сложном равновесии между либеральной традицией индивидуальных прав и необходимостью защиты общества от манипуляций, дезинформации, языка вражды и цифрового насилия. В классической либеральной традиции, представленной Д.С. Миллем, свобода слова выступает краеугольным камнем открытого общества: «Если запрещаемое мнение правильно, то запрет на его выражение означает запрет на знание истины, если же оно неправильно, то препятствовать его выражению – значит мешать людям достичь лучшего понимания истины, возможного в результате столкновения истины с заблуждением» [Милль, 1995, с. 246]. Однако в цифровом пространстве границы между мнением и вредом размыты. Высказывание, сделанное в частной социальной сети, может вызвать волну травли, подстрекательства или стать катализатором политического насилия. Возникает этическая дилемма, где заканчивается свобода выражения и начинается моральная обязанность воздержаться от высказывания, способного причинить вред? Кто должен определять это – государство, технологические корпорации, профессиональные модераторы или сами пользователи?

Ответы на эти вопросы могут быть найдены с помощью полицентрического подхода. Ни государство, ни технологические корпорации, ни сами пользователи не могут монопольно определять, где проходит эта граница, поскольку она контекстуальна и подвижна. Следуя этике ответственности Э. Левинаса, высказывание не может быть нейтральным, оно всегда обращено к Другому и потому предполагает моральное измерение до свободы. Оптимальным является распределенная система, в рамках которой государство устанавливает юридические рамки, платформы реализуют технические фильтры, профессиональные модераторы обеспечивают интерпретацию в конкретных случаях, а пользователи вовлечены в формирование культуры этической рефлексии. Такая модель позволит сохранить баланс между правом на высказывание и обязанностью не причинять вред в цифровом публичном пространстве.

Э. Левинас утверждает, что подлинная этика возникает при встрече с Другим, в признании его инаковости и уязвимости: «Лицо Другого зовет меня, разрушает до основания мое радостное обладание миром. И я чувствую, что меня зовет вопрос. Это тревожно и это может разрушить меня до основания. Он говорит со мной, зовет меня, приглашает меня в отношения, и я отвечаю» [Левинас, 1998, с. 154]. Цифровая персонализация, алгоритмическая фильтрация и системы таргетингаискажают эту возможность встречи. Вместо этического контакта с инакостью пользователь оказывается в цифровом эхо-отражении, в котором окружающее информационное поле подтверждает уже имеющиеся взгляды, вкусы, страхи и предрассудки. Подобные платформенные механизмы, как алгоритмы, обучаются на предыдущих предпочтениях пользователя, исключая не только дискомфортные, но и этически значимые встречи с чужим (по мнению Э. Левинаса), что ведет к редукции публичности и подрыву межчеловеческого пространства как этической категории. Цифровая этика здесь сталкивается с парадоксом, попытка защитить пользователя (с помощью модерации, ограничения контента, удаления экстремизма) нередко ведет к ограничению моральной зрелости, поскольку этически значимые ситуации предполагают столкновение с конфликтом, противоречием, амбивалентностью. Без возможности встретиться с инакостью, общество теряет навык этического различия. Примером служит политика X (ранее Twitter), в рамках которой после покупки И. Маском платформы было отменено множество ограничений на выражение мнений. С одной стороны, это поддерживает идею

«абсолютной свободы слова», с другой – привело к всплеску антисемитских, расистских и сексистских высказываний. Где проходит граница между радикальной свободой и цифровым варварством – остается открытым вопросом.

Цифровая медиаполитика не может быть сведена к формальной модерации контента. Она должна стать этической инфраструктурой, способной обеспечить условия для сосуществования автономии и взаимной уязвимости, что включает прозрачные правила модерации, основанные на этических принципах, а не только политических и юридических нормах; права на апелляцию и возражение при удалении контента; платформенную ответственность за распространение вредоносного контента; институции цифровой медиаграмотности, формирующие критическое и этически чувствительное мышление у пользователей. Цифровая политика должна быть ориентирована не только на «регулирование поведения», но и на воспитание цифровой субъектности, способной к рефлексии, эмпатии и принятию инаковости. Этический вызов заключается не в том, чтобы удалить весь «вредный» контент, а в том, чтобы научить общество жить с различием и принимать сложность цифрового мира как неизбежную этическую данность.

Классическая модель публичности, развитая в трудах Х. Арендт и Ю. Хабермаса, базировалась на представлении об открытом, горизонтальном пространстве, в котором свободные и равноправные граждане участвуют в рациональном обсуждении общего блага. Х. Арендт подчеркивает: «В публичной сфере, где в расчет принимается только то, что можно увидеть или услышать, "видимость" и "слышимость" имеют первостепенное значение» [Арендт, 2013, с. 226].

Ю. Хабермас анализировал становление буржуазной публичности как пространства критической рефлексии, диалога и контроля над властью [Хабермас, 2016]. Однако в цифровую эпоху эти классические категории подвергаются трансформации. Публичность становится не пространством консенсуса, а ареной фрагментированной, поляризованной и алгоритмически управляемой коммуникации. Цифровые платформы создают мнимую открытость, в действительности фильтруя видимость, продвигая одни высказывания и маргинализируя другие на основе коммерческих, политических или идеологических соображений. Публичное пространство оказывается алгоритмически медиатизированным, то есть не существует как априорная политическая сцена, а формируется в зависимости от цифровой архитектуры, что приводит к феномену «платформенной публичности», контингентной, нестабильной и глубоко иерархичной. Пользователь не столько выражает мнение, сколько производит данные, которые затем используются для таргетинга, предсказания и поведенческого моделирования. Именно здесь возникает проблема субъектности. Вместо гражданина, наделенного разумом, речью и политической волей, на передний план выходит так называемый цифровой двойник, другими словами, это агрегат метаданных, поведения, эмоциональных реакций и сетевой активности. Цифровая медиаполитика в этой парадигме функционирует не как нейтральный механизм регулирования, а как технология субъектопроизводства, структурирующая способы самовосприятия, идентичности и участия в обществе.

Будущее медиаполитики в цифровую эпоху не сводится к технической модерации контента или юридическому надзору над платформами и предполагает фундаментальный философский поворот в понимании информации, субъекта и власти. В условиях, когда цифровые медиа не просто транслируют реальность, а формируют саму ткань социального мира, перспективы медиаполитики связаны с вопросом – каким будет человек в эпоху постцифровой культуры? Можно предположить, что человек будущего будет представлять собой не автономный субъект модерности, а платформенно-опосредованное существо, чья идентичность, память и восприятие мира конструируются с помощью медиатехнологий. Следовательно, медиаполитика должна рассматриваться как дисциплина, формирующая, помимо коммуникационных режимов, и онтологические условия становления субъекта, чья свобода, критичность и способность к этическому

отношению к Другому будут зависеть от архитектуры цифрового взаимодействия. У. Митчелл еще в 1990-х предсказывал, что цифровая инфраструктура станет новой формой архитектуры власти, и предлагал говорить о «кодированном городе», в котором коммуникационные технологии определяют траектории движения, доступ и поведение [Митчелл, 2017, с. 278]. Сегодня указанная идея находит отражение в «умных городах», в которых граждане взаимодействуют с государством посредством цифровых интерфейсов, а управление становится программируемым (от здравоохранения до голосования). Возникает новая форма инфраструктурной медиаполитики, когда сама технология принимает решение о том, кто и когда получает доступ к информации, как формируется доверие и где устанавливаются границы допустимого.

В ближайшие десятилетия медиаполитика столкнется с двумя фундаментальными вызовами: глобализацией искусственного интеллекта и концентрацией цифровой медиасобственности в руках транснациональных корпораций. Указанные тенденции способны радикально изменить баланс между публичным и частным, гражданскими правами и алгоритмической властью. С одной стороны, стремительное внедрение генеративного искусственного интеллекта в сферу медиа (ChatGPT, Sora, Gemini, Claude и др.) приводит к тому, что информация перестает быть следствием человеческого дискурса, а становится синтезированной машинными структурами, что создает новый тип медиареальности (машинную реальность), в которой граница между оригиналом и симулякром стирается. Ж. Бодрийяр еще в 1981 году предвидел это, описывая эпоху симулякром как время, когда «знак не отражает реальность, а подменяет ее, формируя гиперреальность» [Бодрийяр, 2000, с. 121]. В контексте развития искусственного интеллекта медиаполитика должна будет решать вопросы не только модерации, но и онтологической достоверности высказывания. Кто несет ответственность за сгенерированный с помощью искусственного интеллекта контент? Где проходит граница между «искусственным знанием» и человеческим свидетельством? Это приведет к формированию новых правовых категорий, таких как цифровая идентичность искусственного интеллекта, право на аутентичную информацию или когнитивная гигиена общества. С другой стороны, наблюдается все более явная тенденция к олигополии медиасобственности. Крупнейшие цифровые платформы контролируют инфраструктуру цифровой публичности, включая хостинг, алгоритмы ранжирования, рекламные бюджеты и аудитории. Описанная ситуация означает, что власть над медиасредой становится властью над самой возможностью публичного существования.

Н. Срничек подчеркивает, что платформы стремятся к максимальной централизации данных, чтобы усиливать прогнозируемость поведения и снижать транзакционные издержки. В этом контексте возможны два сценария. Первый, технократический, при котором происходит дальнейшая приватизация медиапространства, когда государства становятся зависимыми от частных платформ, а публичная сфера управляется как сервис, и возникает угроза утраты цифрового суверенитета. Второй, республиканский, при котором происходит установление демократического контроля над медиасредой (внедрение платформ, служащих общественным интересам, систем «прозрачный искусственный интеллект», государственной поддержки альтернативных медиа, прав на алгоритмическое объяснение). Отсюда вытекает необходимость институциональной философии медиавласти, дисциплины, которая будет не только критиковать цифровую власть, но и проектировать формы ее переустройства. Такой подход требует соединения усилий философов, юристов, инженеров, педагогов и самих граждан. Если медиаполитика останется лишь реактивной (цензурующей и охраняющей), она будет неизбежно отставать от скорости технологических трансформаций. Чтобы быть адекватной вызовам будущего, она должна стать проективной, не только регулировать потоки информации, но и предугадывать модели субъектности и кооперации в цифровом мире.

Таким образом, современная цифровая медиаполитика является ключевым элементом трансформации структуры общественного бытия, формирующим новые режимы истины, публичности, субъектности и этики. Философский анализ позволяет выявить глубинные импликации этой трансформации и поставить вопрос о границах допустимого в цифровом управлении. Но в перспективе необходима разработка философски обоснованного медиаполитического проекта, способного не только защищать общество от цифровых угроз, но и сохранять пространство свободы, ответственности и критического мышления. Без этого цифровая власть рискует перерости в форму тоталитарного контроля, скрытого под маской рациональности и эффективности.

Список литературы

- Аренд Х. Ответственность и суждение; пер. с англ. Д. Аронсона, С. Бардиной, Р. Гуляева. Москва: Издательство Института Гайдара, 2013. 350 с.
- Бен-Чхоль Хан Кризис повествования. Как неолиберализм превратил нарративы в сторителлинг. Москва: АСТ, 2023. 158 с.
- Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть; пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. Москва: Добросвет, 2000. 389 с.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции; пер. с фр. А. Качалова. Москва: ПОСТУМ, 2016. 238 с.
- Гарри Г. Франкфурт Об истине. Москва: Издательство Института Гайдара, 2020. 72 с.
- Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высш. религиоз.филос. шк., 1998. 264 с.
- Митчелл У. Я ++. Человек, город, сети: электронный ресурс. 3-е изд. Москва: Стрелка Пресс, 2017. 386 с.
- О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли / Рос. акад. наук, Ин-т философии; сост. М.А. Абрамов и др.; отв. ред. М.А. Абрамов. Москва: Наука, 1995. 461 с.
- Тесич С. Правительство лжи // The Nation. 6 января 1992. С. 12–14.
- Фуко М. Археология знания; пер. с французского М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. Изд. 4-е, стер. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия, 2024. 413 с.
- Фуко М. Жизнь: опыт и наука // Вопросы философии. 1993. №5. С 53.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко; перевод с французского: С. Ч. Офертаса, под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. Москва: «Практис», 2002. 384 с.
- Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы; пер. В. Наумов. Москва: Ад Маргинем Пресс: Garage, сор. 2021. 383 с.
- Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества: с предисловием к переизданию 1990 года; пер. с немецкого В.В. Иванова. Москва: Весь Мир, 2016. 342 с.
- Alimardani M. How Instagram Is Failing Protesters in Iran / [Электронный ресурс]. – URL: <https://slate.com/technology/2022/06/instagram-meta-iran-protests-exceptions.html>
- Rohkrämer Th. Martin Heidegger, National Socialism, and Environmentalism // How Green Were the Nazis?: Nature, Environment, and Nation in the Third Reich / Ed. by F.-J. Brüggemeier, M. Cioc, T. Zeller. Athens; Ohio: Ohio University Press, 2005. P. 186.

References

- Arent, H. Responsibility and Judgment; trans. from English by D. Aronson, S. Bardina, R. Gulyaev. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2013. 350 p.
- Byun-Chol Han The Crisis of Narrative. How Neoliberalism Turned Narratives into Storytelling. Moscow: AST, 2023. 158 p.
- Baudrillard, J. Symbolic Exchange and Death; trans. from French and introduction by S.N. Zenkin. Moscow: Dobrosvet, 2000. 389 p.
- Baudrillard, J. Simulacra and Simulations; trans. from French by A. Kachalov. Moscow: POSTUM, 2016. 238 p.
- Harry G. Frankfurt On Truth. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2020. 72 p.

- Levinas, E. Time and the Other. The Humanism of Another Person. St. Petersburg: Higher Religious Philosophical School, 1998. 264 p.
- Mitchell, W. Ya++. Man, City, Networks: An Electronic Resource. 3rd ed. Moscow: Strelka Press, 2017. 386 p.
- On Freedom. Anthology of Western European Classical Liberal Thought / Rus. Academy of Sciences, Institute of Philosophy; compiled by M.A. Abramov et al.; ed. by M.A. Abramov. Moscow: Nauka, 1995. 461 p.
- Tesich, S. The Government of Lies // The Nation. January 6, 1992. Pp. 12–14.
- Foucault, M. The Archaeology of Knowledge; trans. from French by M.B. Rakova, A.Yu. Serebryannikova. 4th ed., reprinted. Saint Petersburg: Humanitarian Academy, 2024. 413 p.
- Foucault M. Life: Experience and Science // Questions of Philosophy. 1993. No. 5. P. 53.
- Foucault M. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews / M. Foucault; translated from French by S. Ch. Ofertas, edited by V. P. Vizgin and B. M. Skuratov. Moscow: Praxis, 2002. 384 p.
- Foucault M. Supervise and Punish: The Birth of the Prison; trans. Moscow: Ad Marginem Press: Garage, cop. 2021. 383 p.
- Habermas J. Structural Change in the Public Sphere: Studies on the Category of Bourgeois Society: with a Preface to the 1990 Reprint; trans. from German by V.V. Ivanov. Moscow: Ves' Mir, 2016. 342 p.
- Alimardani M. How Instagram Is Failing Protesters in Iran / In: Codification.RF. URL: <https://slate.com/technology/2022/06/instagram-meta-iran-protests-exceptions.html>
- Rohkrämer Th. Martin Heidegger, National Socialism, and Environmentalism // How Green Were the Nazis?: Nature, Environment, and Nation in the Third Reich / Ed. by F.-J. Brüggemeier, M. Cioc, T. Zeller. Athens; Ohio: Ohio University Press, 2005. P. 186.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2025

Received April 15, 2025

Поступила после рецензирования 15.07.2025

Revised July 15, 2025

Принята к публикации 29.11.2025

Accepted November 29, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сорокопуд Мария Сергеевна, кандидат философских наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия.

Maria S. Sorokopud, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Research Department, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Belgorod, Russia.